

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Новое законодательство признало в качестве объекта культурного наследия «памятные места, места бытования народных художественных промыслов... центры исторических поселений и культурные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных общностей на территории Российской Федерации... места совершения религиозных обрядов» (ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Согласно закону деятельность в сфере сохранения культурного наследия переориентирована с отдельных объектов – дискретных единиц – на территориальные единицы. Данный подход подразумевает разработку концепции *культурного ландшафта как комплексного объекта природного и культурного наследия*.

Однако и в новом законе практически все статьи рассчитаны на сохранение материальных недвижимых объектов культурного наследия (памятников археологии, истории, архитектуры, монументального искусства). Историко-культурная экспертиза чаще всего подменяется археологической или архитектурной экспертизой. Язык и этнические традиции, являющиеся неотъемлемой составляющей культурного ландшафта, до недавнего времени в качестве объекта охраны не рассматривались.

Одним из факторов деформации и последующего уничтожения культурного наследия является хозяйственная деятельность. Наиболее очевидное ее следствие – разрушение материальных объектов, в первую очередь памятников архитектуры и археологии¹. Необратимые изменения затра-

¹ Традиционно самыми уязвимыми объектами культурного наследия принято считать памятники археологии. Однако и нематериальную культуру невозможно извлечь и перенести на другие

Программы 2002 – Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос: V – X классъёслы [Программы по удмурт. языку и литературе: V–X классы] / Колл. авторов: Г.Н. Никольская, С.Т. Арекева, Т.Г. Владыкина, Л.П. Федорова и др. Ижевск, 2002.

Савельева 1975 – *Савельева Л.И.* Вышивка центральных районов Удмуртии // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. С. 85–114.

Савельева 1976 – *Савельева Л.И.* Народная вышивка бесермян // Изучение искусства Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 6–25.

Трофимова 1991 – *Трофимова Е.Я.* Как сложилась народная кухня удмуртов: Блюда удмуртской кухни. Ижевск, 1991.

Христолюбова 1984 – *Христолюбова Л.С.* Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. Ижевск, 1984.

Христолюбова 1995 – *Христолюбова Л.С.* Калык сямъёсты чакласа [Удмуртские народные обычаи]: Кн. для чтения по краевед. Ижевск, 1995.

Шкляев 2003 – *Шкляев Г.К.* Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск, 2003.

Шумилов 1975 – *Шумилов Е.Ф.* Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. С. 215–245.

Шутова 2001 – *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

Buch 1882 – *Buch M.* Die Wotjaken: Eine ethnologische studie. Helsinki, 1882.

Gerd 1993 – *Gerd Kuzebai.* Ethnographica: Человек и его рождение у восточных финнов // MSFOu. Helsinki, 1993. Vol. 217.

Holmberg 1927 – *Holmberg U.* The mythology of all races. Boston, 1927. Vol. 4: Finno-Ugic, Siberian. Munkácsi 1887 – *Munkácsi B.* Wotják népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887.

Munkácsi 1952 – *Munkácsi B.* Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus den Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R. Fuchs // MSFOu. Helsinki, 1952. Vol. 102.

Wichmann 1893 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche // JSFOu, XI. Helsingfors, 1893.

Wichmann 1901 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen // JSFOu, XIX. Helsingfors, 1901.

Сокращения

JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne.
MSFOu – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.

Материал подготовила

Т.Г. ВЛАДЫКИНА,
региональный представитель
альманаха «Традиционная культура»
(Ижевск).

гивают также объекты нематериальной культуры, фольклорные и языковые традиции, генетически связанные с территорией.

Фольклорные исследования северных районов Удмуртии, проведенные в рамках историко-культурной экспертизы, показали, что в промышленно развитых районах, где сильны миграционные процессы, практически не сохраняются микротопонимы и связанные с ними предания. В 2002 г. во время исследований территории Смольниковского нефтяного месторождения, находящегося на территории Дебесского р-на УР, были выявлены устойчивые названия наиболее значимых топонимических объектов в пределах селений и их окрестностей: *Липка на слезах, Первый лог, Второй лог, Третий лог, Малахова поляна, Сергина поляна, Роца, Фомина поленница, Поварнишна дорога, Лужиха, Пальник, Мишиха, Каменное поле, Кулиги, Рошша*. Подобную сохранность можно объяснить тем, что данная территория является местом проживания старообрядцев, в культуре которых прослеживаются изоляционные тенденции – стремление к созданию культурных барьеров [Никитина 2005]. Кроме того, данные селения находятся вдали от крупных транспортных магистралей, дороги не асфальтированы. Изыскания, проведенные в том же году на территории Пужмезского нефтяного месторождения, которое находится в непосредственной близости от железной дороги, показали, что в пос. Пужмезь Кезского р-на УР практически не сохранились топонимические предания, жители разобщены и не чувствуют себя членами единой общины.

Изменения в структуре семьи, хозяйственной деятельности, планировке поселений приводят к изменению домашнего хозяйства, семейной и календарной обрядности, народных промыслов. В результате миграционных процессов разрушена межпоколенная передача традиции, наблюдается дисбаланс в половозрастной структуре деревенского сообщества. Традиционная обрядовая культура, предполагавшая участие всего социо- и половозрастного состава деревни, переходит в пассивное состояние.

Учитывая необратимость принятия решений по хозяйственному или иному использованию территорий (включая проекты территории, тогда как в отношении объектов архитектуры такая практика применяется.

социального развития), невозможность повторного выявления объектов культурного наследия, необходимо своевременно проводить комплексные историко-культурные исследования. С этой точки зрения *государственная историко-культурная экспертиза* (по аналогии с экспертизой экологической) является важнейшим законодательным нововведением.

Историко-культурные изыскания на территориях, отводимых под реализацию каких-либо проектов, нужны для определения условий сохранения всего разнообразия культурного наследия: материальных недвижимых объектов (археологии, архитектуры, участков исторической застройки), а также нематериальных объектов культурного наследия (традиционные формы природопользования, обрядности, язык и фольклор). При наличии обобщающей информации значительно проще удержать равновесие системы культурного ландшафта – историко-культурной, социальной и экологической стабильности; вовремя зафиксировать разрушающиеся объекты культурного наследия (особенно – нематериальной культуры).

В последние годы в Удмуртии предпринимаются попытки проведения комплексных историко-культурных исследований. В состав исследовательской группы входят археолог, историк, этнограф и фольклорист. Управлением по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры УР и Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН проведены четыре комплексные экспедиции (в Воткинский, Дебесский, Кезский, Балеинский р-ны УР), разработан проект документа «Общие требования и рекомендации при проведении историко-культурных исследований»², программы и вопросники. В ос-

² Составители: старший научный сотрудник УОПИК МК УР Г.А. Степанова, юрист УОПИК МК УР Д.Ю. Михайленок. Консультанты: д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора УИИЯЛ УрО РАН Т.Г. Владыкина; канд. истор. наук, сотрудник отдела археологии УИИЯЛ УрО РАН А.Г. Иванов; д-р искусствовед, декан фак-та искусств УдГУ В.А. Кошаев; канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела этнологии и социологии УИИЯЛ УрО РАН Е.В. Попова; канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Прикамья УдГУ Д.А. Салангин.

нову методики положена концепция культурного ландшафта.

Методологические основы концепции культурного ландшафта как объекта наследия начиная с 1992 г. разрабатываются группой специалистов Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Теоретические и практические разработки нашли отражение в коллективной монографии «Культурный ландшафт как объект наследия». В ней культурный ландшафт определяется как «целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях» [Веденин, Кулешова 2004].

Проблема фольклора как компонента культурного ландшафта разрабатывается междисциплинарной группой МГУ им. М.В. Ломоносова, которая подготовила первые научные сборники, посвященные комплексным исследованиям данного явления [Калуцков, Иванова и др. 1998; Культурный ландшафт 1998]. Таким образом, к работе над данной проблемой уже подключились не только специалисты по охране памятников, археологи и архитекторы, но и историки, этнологи, филологи, фольклористы и лингвисты. К сожалению, по сей день не существует закрепленного законом определения культурного ландшафта и общих правил его выявления и сохранения.

В проекте документа «Общие требования и рекомендации для проведения историко-культурных исследований», разработанном и апробированном Управлением по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры УР, порядок выявления объектов историко-культурного наследия предусматривает достаточно жесткую очередность исследований. На первом этапе составляется предварительная историко-культурная характеристика территорий, проводятся архивные изыскания, на основании которых определяются цели и задачи натурального обследования, круг специалистов-исполнителей. Следующим этапом становится выявление информационного пласта (сбор фольклорно-этнографического, топонимического, лингвистического материала), который проводят этнографы, фольклористы, лингвисты. Анализ полу-

ченной информации в первую очередь дает материалы по определению историко-культурной значимости территории (изучение синхронного и диахронного срезов материальной и духовной культуры населения).

Натурные исследования, проведенные по заказу «Удмуртгеологии» в 2004 г. на территории Карсвайского нефтяного месторождения (Балезинский р-н УР), позволили зафиксировать микротопонимы, определить особенности календарных и семейных обрядов среди удмуртского, русского (в том числе и старообрядческого) населения района. Кроме того, обнаружено более 50 рукописных и старопечатных книг XVII–XIX вв., а также уникальная для Удмуртии традиция духовного пения.

Уничтожение материальных объектов культуры часто влечет за собой разрушение традиционной обрядности. В д. Большой Унтем Балезинского р-на УР еще в середине XX в. существовало почитание деревьев. К югу от деревни стояла большая сосна, получившая в народе название «белой» и почитаемая стариками, которые не разрешали ее рубить. Однако при строительстве дороги в 1980-х гг. сосна была срублена: «У нас одна сосна стояла в стороне. <...> А говорили, она какая-то... Ну, она здоровая была. Ну, сосна, сосна. Кто ее знает, может, там что-то было? Когда-то, когда-то, когда-то, в каком-то году они хотели там провести линию. Ну, наши старики взяли да ети колья срубили... Вот она стала сосна эта – Белая сосна. <...> Стояла, никто не трогал. Даже сучьев было мало, одна сосна была здоровая! <...> Какие-то гады сожгли» (зап. в 2004 г. В.А. Макшаковой, А.С. Мутинной от Вильгельма Спиридоновича Ворончихина, 1938 г.р., удмурта, мест., образование 7 кл., д. Большой Унтем Балезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)]). В результате дорога так и не была построена. Обряды и поверья, связанные с культом деревьев, в настоящее время не фиксируются.

В д. Большой Унтем выявлены и другие микротопонимы с компонентом «белый». Вероятно, все они первоначально были связаны с культовыми местами и постройками. Однако в настоящее время их названия переосмыслены с точки зрения новейшей истории: «Вот тут прямо за клубом идет. Глубокий. Белый лог его прозвали. Будто белые там были. Какую-то яму там сделали.

Черт их знает! Или белые, или красные! Кто их знает! Видимо, из этих соображений и начинается Белый лог» (зап. в 2004 г. В.А. Макшаковой, А.С. Мутиной от Вильгельма Спиридоновича Ворончихина, 1938 г.р., удмурта, мест., образование 7 кл., д. Большой Унтем Балезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)]).

Часто жители деревень восстанавливают утраченную святыню. В д. Наговицыно Дебесского р-на УР на краю деревни росло *святое дерево, липка на слезах*. Около него оплакивали покойников и провожали рекрутов. Когда старая липа погибла, жители деревни посадили новую, в стороне от дороги: *«А вот как в деревню заходить – вон липки у нас маленьки, у нас там очень большая липка стояла. Липка была большая! И эта липка, она такая была, что если провозжать некрута – до этой липки, покойника – до этой липки. Она просто на слезах стояла, эта липка. <...> Да, да-а, вот до туда уже проводим, и потом его туда дальше везут, а тут остальные. И всё говорили раньше старики: "Эта липка на слезах стоит – вот она и долго стоит". <...> Вот тут опять молодые посадили. Такие липки»* (зап. в 2002 г. А.С. Мутиной, А.В. Копыловой от Зинаиды Петровны Трониной, 1933 г.р., русской, мест., образование 6 кл., д. Наговицыно Дебесского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 170 (3) А]).

Проведение опросов местного населения ускоряет процесс выявления объектов археологии и истории, упрощает задачи и сокращает сроки проведения натурного обследования. В частности, изучение обрядовой практики населения, топонимики и устной прозы дает возможность определить места жертвоприношений, могильников, городищ, местных святынь. Заранее проведенный опрос и результаты его анализа позволяют археологам более рационально провести выявление руинизированных материальных объектов, не тратить время на расшифровку рельефа поверхностей, образованных в результате современной хозяйственной деятельности, облегчают выделение территорий сплошного и выборочного обследований, дают возможность без лишних затрат времени и средств получить дополнительные сведения от уже известных информантов. Археологические изыскания, в свою очередь, помогают уточнить сведе-

ния, полученные в ходе фольклорно-этнографических исследований, определить направления и перспективы дальнейшего изучения.

Так, во время натурального исследования Горлинского нефтяного месторождения (Турецкий с/с Балезинского р-на УР) по заказу ООО «Сайгас» в 2004 г. была поставлена задача определения местонахождения кладбища XVIII – XIX вв., распаханного в середине XX в. В результате опросов жителей д. Большой Унтем установлено точное местонахождение «старого кладбища» – *вуж шай*, на котором еще до середины XX в. хоронили выкидыши, некрещеных младенцев, самоубийц: *«Вуж шай... Это умрет, видно, кто-то, и маленьких хороняли туда. <...> Я да, согрешила. Выкидыш был, папаша тут же, свекор, туда же похоронил. <...> Абортов раньше не было, а это вот просто вот так. Больших, старших там не хороняли никого. Это просто так вот. Поэтому ли чё ли, вуж шай»* (зап. в 2004 г. В.А. Макшаковой, А.С. Мутиной от Антонины Кузьмовны Вахрушевой, 1925 г.р., удмуртки, урж. д. Ново-Люк, образование 7 кл., д. Большой Унтем Балезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)]); *«От деревни недалеко, где-то метров пияят. Там буквально лет... <...> Ну где-то лет, скажем, тридцать, наверное, сорок, больше... Уже всё разровняли, там была эта... Как вам сказать? Лесочек был маленький. Там хороняли, кто уже не сумел, не сумел везти. В село уже не сумели везти. И вот таких хороняли. <...> Да, старое кладбище, и так и называлось, и там хороняли (шепотом. – А.М., Г.С.) самоубийц. Да. От голода там мало»* (зап. в 2004 г. В.А. Макшаковой и А.С. Мутиной от Вильгельма Спиридоновича Ворончихина, 1938 г.р., удмурта, мест., образование 7 кл., в д. Большой Унтем Балезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)]).

Опросы помогли обнаружить *куяськон* (букв. «место выбрасывания»), сакральное место, куда выбрасывали посуду и ветошь, оставшиеся после обмывания покойника) и *шайгоп* («могильный лог»): *«Где находился шайгоп? – Один раз ходили, быка перед сенокосом резали. Здесь есть лог, он называется шайгоп по-удмуртски, а по-русски это можно перевести, шайгоп – это <...> могильный лог»* (зап. в 2004 г. В.А. Макшаковой, А.С. Мутиной от Антонины Кузьмов-

ны Вахрушевой, 1925 г.р., удмуртки, урожай. Ново-Люк, образование 7 кл., д. Большой Унтем Базезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)].

Подобная информация позволяет восстановить особенности бытования похоронно-поминальных обрядов. Кроме того, *вужшай, куяськон, шайгон* нередко располагаются на месте средневековых удмуртских могильников или городищ.

Также были обнаружены места удмуртских языческих молений и жертвоприношений, память о которых сохранилась только в топонимах. Для того чтобы излечиться от эпилепсии, обмираний, посещали *Зазег вёсянни* (букв. «место жертвования гуся»): «В сторону Турецкого (название села. – А.М., Г.С.) там есть тоже такой ложок. Там вот как считают, что... Бывает же такое, что человек... <...> в обморок падает. <...> Гуся режут, там читают, я уж не знаю, какие слова там говорят. И этого гуся там едят... С правой стороны... Там есть лесочек такой небольшой. Не лесочек даже, лог. Вокруг лога всегда растут деревья. И вот там поедание этого гуся как бы. Без солёный. Я там ни разу не присутствовала. Что-то там говорят, наверно ли че ли. Его едят без соли, и человек должен излечиться от этой болезни» (зап. в 2004 г. В.А. Макашковой и А.С. Мутиной от Нины Вениаминовны Вахрушевой, 1964 г.р., удмуртки, урожай. д. Поторочино, образование среднее специальное, д. Большой Унтем Базезинского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 186 (1, 2)]). Изначально *Зазег вёсянни* – место жертвоприношения гуся хозяину леса, во время которого молящиеся, возможно, испрашивали и здоровья. Затем вместе с исчезновением молений было переосмыслено и назначение места. Примечательно, что недалеко от *Зазег вёсян* находилось и место общедеревенских праздников *юон шур* (букв. «река празднования»), на котором до сих пор собирается молодежь.

Полученные сведения позволили значительно сузить территорию археологических исследований, тем самым сократив их продолжительность, и зафиксировать похоронно-поминальную обрядность 1920 – 1950-х гг., сохранившуюся лишь в памяти информантов.

В качестве объектов культурного наследия закон определяет и места традицион-

но природопользования, исторические поселения, т.е. *использование территории конкретным сообществом*. Поскольку особенности формирования и бытования традиционной культуры тесно связаны с конкретными территориями, можно поставить вопрос о признании фольклора недвижимым объектом культурного наследия (наряду с археологическими и архитектурными памятниками). Это чрезвычайно важно для сохранения на территории Удмуртии старообрядческих поселений. В связи с особенностями возникновения они, как правило, находятся вдали от археологических памятников и ранее не охранялись. Тем не менее, их планировка, застройка, композиция, характер использования населением природных ресурсов, традиционная духовная и материальная культура могут быть признаны объектами культурного наследия.

Так, во время натурных исследований Смольниковского нефтяного месторождения (Дебесский р-н УР) у местных старообрядцев было обнаружено почитание водных источников («кипунчиков»). Вода в них считается «чистой, ребечьей». Зафиксированы правила поведения у колодцев, особые обряды «удельвания колодца»: «[Х.И.]: Колодцы вот у нас, например, вот так получается. Подошел, например, взял кружку, чего ли, потонул, написал. У нас это не положено: ведро в посуду и бадьей (там бадья). Бадью-то вытяну, и в чего надо налей. И, значит, если на обруб колодца – не надо ставить посуду, рядышком, чтоб вода, льешь мимо, получается. Ведро в другое, и туда же вода в колодец побежит. Чтоб вода в колодец не бежала. Потому что она, быть может, не ребечья эта посудина. – [Е.Ф.]: Если мышка попала в колодец, мы идем, благословимся у этой старушки. И сорок ведер надо вылить этой воды, а потом идет она и освящает этот колодец. <...> И эту-то воду, на Крещение которую берем... Этой водой она и бадью, и сруб олешишт. – [Х.И.]: Если этой воды нет, так она эту воду делает дома. Молится, канун читает над этой водой. Потом несет эту воду и удельвает колодец, потом можно носить» (зап. в 2002 г. А.В. Копыловой и А.С. Мутиной от Харитона Иосифовича Карачева, 1935 г.р., русского, старообрядца, образование 8 кл., и Екатерины Фомеевны Карачевой, 1938 г.р., русской,

старообрядки, урожай. Красногорского р-на, образование 7 кл., д. Смольники Дебесского р-на УР [ФА УИИЯЛ: МК 170/1 А–В]). В данном случае экологические требования оказываются тесно связанными с особенностями природопользования и духовной культуры старообрядцев.

Сведения, полученные в результате комплексной экспертизы территорий, отводимых под хозяйственную деятельность, могут использоваться в ходе дальнейших исследований (это особенно важно при планировании фольклорно-этнографических и лингвистических экспедиций), при осуществлении охранной деятельности, в научных разработках при условии соблюдения авторского права. Результаты проведенных исследований уже нашли применение в научной работе УИИЯЛ УрО РАН – при составлении «Археологической карты северных районов Удмуртии» [Иванов, Иванова и др. 2004] и этнодиалектного словаря северных районов УР, исследовании истории крестьянства и старообрядческих центров республики.

Изучение объектов культурного наследия дает дополнительные возможности для определения экономических ресурсов территорий, так как самый эффективный способ сохранения культурного ландшафта – его использование. Данные, полученные в ходе историко-культурной экспертизы, необходимы для создания туристическо-рекреационных центров. В 2003 г. Управление по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры УР и Национальный музей им. Кузубая Герда в рамках проекта «Сибирский тракт: сквозь границы» провели комплексную экспедицию по определению историко-культурного потенциала притрактовой территории. В результате организовано некоммерческое партнерство по содействию сохранению и использованию культурного и природного наследия «Сибирский тракт», разработаны туристические маршруты по Глазовскому, Дебесскому и Игринскому р-нам УР, проведена научно-практическая конференция (Дебесы, 2004 г.).

Примечательно, что в проекте «Сибирский тракт» основную туристическую нагрузку несут не археологические, а исторические и фольклорно-этнографические объекты (встречи с фольклорными коллективами, посещение Центра удмуртской культуры в д. Сундур Игринского р-на и т.п.).

Таким образом, обрядовая культура населения может использоваться как дополнительный экономический ресурс. Соответственно, чем выше концентрация и видовое разнообразие выявленных объектов культурного наследия на определенном участке территории, тем эффективнее его экономическое использование и сохранение.

Однако при проведении историко-культурной экспертизы мы сталкиваемся с рядом существенных проблем. Несмотря на все требования законодательства, на практике предпринимаются меры по сохранению только материальных объектов культурного наследия. Вопрос, насколько будет учитываться необходимость сохранения всего культурного ландшафта при проведении охранных работ на территориях, отводимых под хозяйственную или иную деятельность, пока остается открытым.

В настоящее время нормативная база, проектная документация для проведения историко-культурной экспертизы находятся в стадии обсуждения. Историки, лингвисты, фольклористы еще могут подключиться к ее формированию и совместно со специалистами по охране памятников разработать критерии выделения культурного ландшафта, методику исследования, сохранения и мониторинга этого объекта культурного наследия.

Литература

Веденин, Кулешова 2004 – Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., СПб., 2004.

Иванов, Иванова и др. 2004 – *Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., ШUTOVA Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004.

Калуцков, Иванова и др. 1998 – Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье. Поморье. 1-й тем. вып. докл. семинара «Культурный ландшафт» / Колл. авт.: В.Н. Калуцков, А.А. Иванова, Ю.А. Давыдова, Л.В. Фадеева, Е.А. Родионов. М., 1998.

Культурный ландшафт 1998 – Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии. М.; Смоленск, 1998.

Никитина 2005 – *Никитина С.Е.* Русские профессиональные группы в современную эпоху: культурные барьеры и культурные контакты // Традиционная культура. 2005. №2 (18). С. 99–108.

Сокращения

УР – Удмуртская Республика.

ФА УИИЯЛ – Фольклорный архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.